

В.А. Поликарпов

Время в теории психического как процесса С.Л. Рубинштейна.

В отечественной науке до сих пор существуют потенциально креативные, но до сих пор почти не востребованные[1] подходы к решению проблемы времени. Такова теория психического как процесса российского психолога и философа, основателя одной из самых плодотворных научных психологических школ Сергея Леонидовича Рубинштейна. Интересующий нас подход имплицитно содержится в теории детерминизма, разработанной Сергеем Леонидовичем применительно к психическим феноменам. Это вынуждает нас изложить её на материале психологии. Здесь во многом используются разработки и инновации одного из видных учеников и последователей С.Л. Рубинштейна Андрея Владимировича Брушлинского, с которым автор не раз обсуждал эту проблему[2].

А.В. Брушлинский подходит к проблеме детерминизма со стороны психологии развития. Он полагает, что философско-психологическая концепция психического как процесса создает необходимые методологические предпосылки прежде всего для изучения преемственности, непрерывности, недизъюнктивности, по терминологии А.В. Брушлинского, характеризующих самое возникновение психического в ходе онтогенеза. Такая непрерывность с предельной отчетливостью выступает при сопоставлении указанной концепции с наиболее распространенной в настоящий момент в отечественной психологии теорией интериоризации.

Первый вариант психологической теории интериоризации был разработан Пьером Жанэ, который рассматривал мыслительный акт как интериоризованное, т. е. перешедшее во внутренний план сознания, «внешнее», практическое действие. В настоящее время одна из наиболее последовательных теорий такой интериоризации необходимо приводит к

выводу о том, что психическое порождается «внешней», практической деятельностью по мере перехода «внешних» действий во внутренний план. Как отмечал А. Н. Леонтьев, основное ядро рассматриваемой теории можно кратко выразить следующими словами: «Само психическое отражение, сознание *порождается предметной деятельностью субъекта*». Иначе говоря, психическое возникает в результате интериоризации внешней деятельности, т. е. психические процессы суть не что иное, как перенесенные в идеальный план и преобразованные внешние, материальные действия субъекта.

С точки зрения концепции А.В. Брушлинского, здесь сразу же появляется непреодолимая трудность, вызванная неизбежным нарушением преемственности в возникновении психики. Если последняя действительно порождается предметной деятельностью, значит, в начале в этой деятельности нет вообще никаких, даже простейших, психических компонентов, участвующих в ее регуляции. Следовательно, «допсихическая» и «непсихическая» деятельность порождает затем психическое. Такое противоречие выражает разрыв в преемственности психического и является в принципе неразрешимым, поскольку любая деятельность и любые, даже элементарнейшие, практические действия необходимо и всегда имеют в своем составе хотя бы простейшие психические явления, которыми они изначально регулируются, афферентируются, вообще управляются.

Поэтому сама по себе интериоризация представляет собой *не возникновение*, а одну из ступеней поступательного *развития* психики. Например, ребенок сначала считает предметы лишь во «внешнем» плане (с помощью палочек, пальцев и т. д.) и только на следующей стадии своего интеллектуального развития переходит к счету «в уме». Простота подобных фактов, по мнению А.В. Брушлинского, должна сделать очевидным рассматриваемый аспект преемственности, недизъюнктивности в возникновении психического.

Эта преемственность, вообще недизъюнктивность может быть восстановлена и раскрыта лишь на основе известного методологического принципа детерминизма, сформулированного С.Л. Рубинштейном, согласно которому внешние причины действуют только через внутренние условия. Этот принцип иногда формулируют совсем кратко: внешнее *через* внутреннее. (Это не означает, что *сначала* имеется только внешнее и лишь потом появляется внутреннее.) Иначе говоря, преемственность в возникновении психического обеспечивается не только специфическими исходными, первичными внешними воздействиями на индивида, но и адекватными им внутренними условиями (задатками и т. д.).

А теперь самое главное.

Теория С.Л. Рубинштейна утверждает, что психическое объективно существует прежде всего как процесс, регулирующий деятельность индивида, и именно в этом качестве оно составляет предмет психологической науки. Такой процесс не просто функционирует — он развивается, т. е. на его определенных стадиях необходимо возникают качественные новообразования, существенно и необратимо влияющие на последующие стадии функционирования.

В конечном счете, для любой фундаментальной науки ее предмет объективно выступает как процесс (физический, биологический, логический и т. д.).

Теория психического как процесса обращает внимание на органическую взаимосвязь самого процесса с его продуктами, т. е. с теми образованиями, которые возникают на предыдущих стадиях процесса и становятся необходимыми внутренними условиями для возникновения последующих стадий. Безотносительно к образованию, которое формируется в психическом процессе, нельзя выделить и сам процесс в его специфическом отличии от других психических процессов. Более того, психические образования,

продукты не существуют сами по себе, вне соответствующего процесса. Положение о психическом как недизъюнктивном процессе означает, что только в процессе (а не до того, как он начался) создаются необходимые детерминанты его протекания; лишь некоторые из них — например, самые первые внешние воздействия и наследственные задатки — предшествуют возникновению процесса и затем изменяются в нем. Иначе говоря, сама детерминация выступает как процесс, т. е. как нечто шаг за шагом образующееся и лишь постепенно формирующееся, а не изначально и целиком готовое и предопределенное заранее.

В ходе непрерывного и изменяющегося взаимодействия внешнего и внутреннего возникают все новые, ранее вообще никогда не существовавшие продукты, средства, способы осуществления процесса и другие детерминанты, которые сразу же включаются в дальнейшее протекание процесса в качестве его новых внутренних условий. Только в ходе такого процесса впервые создаются все новые и новые продукты, без которых вообще невозможно дальнейшее протекание процесса. Эта неразрывная взаимосвязь процесса и продукта характеризует психическую регуляцию любого человеческого действия и поступка.

Познавая и преобразуя окружающую действительность, человек видоизменяет и себя самого. Для С.Л. Рубинштейна природа человека есть продукт истории. Это общее положение, преодолевающее дуализм биологического и социального, относится и к взаимосвязи процесса и его продукта в ходе психического развития. Наиболее значительные результаты деятельности человека воплощаются не только в тех или иных созданных им объектах, но и в нем самом. Только на такой основе и происходит действительное психическое развитие, т. е. развитие характера и способностей человека, которые выступают одновременно и как продукт предшествующей деятельности, и как внутреннее условие последующей,

более сложной деятельности. В этом и состоит преемственность, непрерывность психического и его самодетерминация.

Сказанное выше создаёт зримый образ времени. Оно в динамике взаимодействия процесса и его результата. Конечное состояние системы не задано. В процессе её формирования, непрерывного самодвижения появляются всё новые детерминанты, отклоняющие развитие системы от казавшихся в начале незыблемыми тенденций. И тут же мы обнаруживаем, что появление новых детерминант делает весь процесс необратимым, а будущее всегда остаётся неопределённым. Оно не предопределено – вот смысловой стержень всей концепции. Когда оно наступает, в ретроспективе начинает казаться, что событие соответствует чьему-то замыслу. Это особенно хорошо видно на материале психологии конфликта. Никто не хотел слишком драматического исхода. Но, слово за слово, действие за действие, и вот всё заканчивается катастрофой. Семья распадается, сотрудники не могут больше вместе работать, народы начинают смотреть друг на друга подозрительно. Начинают искать виноватого, того, кто якобы осуществил свой коварный план. Стараются придать смысл событию. Спрашивают, как мы до этого дошли? Никто этого не хотел. И вот уже ищут виновных, действующих в глубокой конспирации, делающих из подполья свое черное дело. А как же? Как поверить, что так оно у нас само получилось? Между прочим, если не превращать конфликт в событие, а отнести к нему как к процессу, как к чему-то продолжающему меняться, можно его преодолеть. Это известно из конфликтологии. *Все эти вновь возникающие детерминанты, влияющие на процесс, делающие его необратимым, непредсказуемым, однонаправленным и есть время, выступающее как некий общий принцип самодетерминации всех мировых процессов.* Редуцировав время к фундаментальным механизмам причинности, к механизмам взаимовлияния процесса и порождаемых им результатов, часто переводящих его в другое качество, мы получаем динамическую,

реляционную концепцию времени. Её особенностью является то, что в ней нет линейной непрерывности времени. Настоящее не возникает из прошлого, а будущее из настоящего. Действительно, если бы настоящее и будущее не разделяла граница, настоящее длилось бы вечно. При этом единство мира достигается недизъюнктивностью самого *процесса*.

Автор прекрасно понимает, что заслуживает упрёка в неполной индукции. Располагая лишь материалом психологии, он пытается рассуждать обо всех мировых процессах, в исследовании которых он не компетентен. Ну, что ж, каждый может проверить сказанное в своей области, там, где способом существования изучаемой реальности является процесс.

А он есть везде, где есть время.

По крайней мере, для меня все это больше чем гипотеза.

[1] См., например: В.А. Поликарпов. Психотерапия с позиций

[2] Подробнее см.: А.В. Брушлинский. Мышление и прогнозирование / А.В. Брушлинский. М., 1979. Время как фактор изменений личности. Сборник научных трудов / под ред. А.В. Брушлинского, В.А. Поликарпова, Минск, 2003.